

ГЕНРИХ САПГИР

ИЗ ЦИКЛА "СОНИПРАСКУ-БИНИМАХИНИЯХА"

ПУРУША

Ввинтился шуруп в чью-то голову. И стала голова понимать, шурупить, как говорится. Стала шурупить не в земном, а в божественном смысле. Повернулся шуруп в голове на оборот - наоборот, и вышла Пуруша - Верховное Божество на санскрите.

- Зовите меня Пуруша, - сказала голова.

Люди кругом простые, доверчивые. Петруша так Петруша. Как сказала, так и звать будем. Стала Пуруша людям Высшую Мудрость преподавать. Поза Лотоса, поза Ромашки, поза Смятой Бумажки.

Люди есть люди. Пока сидит в позе - все понимает. Побежал по своим делам - всю мудрость растерял. Разве что "Поза Смятой Бумажки" еще пригодится.

- Ты, - говорят, - Петруша, чему-нибудь насущному нас научи. А ненужному мы и сами научимся.

Вывинтила Пуруша шуруп из головы, показала ученикам.

- Вот, - говорит, - самое нужное, самое насущное. Развитие по спирали.

Обрадовались люди, всюду шурупы ввинчивают: во все замки, во все приборы, в головы уж само собой. Развитие, да еще по спирали. И детям развлечение: берут отвертку и шурупы вывинчивают.

Сразу жизнь веселей пошла. Одно поколение ввинчивает, другое вывинчивает. А в последнее время гвоздить стали. Гвоздят и гвоздят. Так проще. Только молодым потом гвозди клещами вытаскивать приходится.

А что же Пуруша? Разочаровалась голова в людях. В дикое леса удалилась, себя созерцать. А что в себе созерцать? Шуруп?

КРИК БОЛИ

Жили-были. Крики Боли. Досаждали мне всю жизнь, особенно по вечерам их слышно.

Наконец я не выдержал: - Замолчите, Крики Боли! Вы не даёте мне спать! Я кусок из вас проглотить не могу. Устыдились, видно, Крики Боли. Сделалось так тихо, что стали слышны удары палок мучителей.

ВИКА

Посеяли Вика. Уродилась Вика привязчивая, ласковая, цепляющая, и глаза - васильки. Одна беда - не хочет Вика замуж. "Боюсь, обовьюсь, потом не отцепишь." Пришел парень, рослый,

голова - солома. Обвилась вокруг Вика тесно, все свои цветочки на соломе развесила. А тут новость - повестка. В солдаты голову - солону забирают.

Плачет Вика, выпускать не хочет: забреют лоб, всю солону - под машинку.

Рассердился парень. Расцепил все ее крючочки - коготочки. Надо, однако, идти чужую Родину защищать.

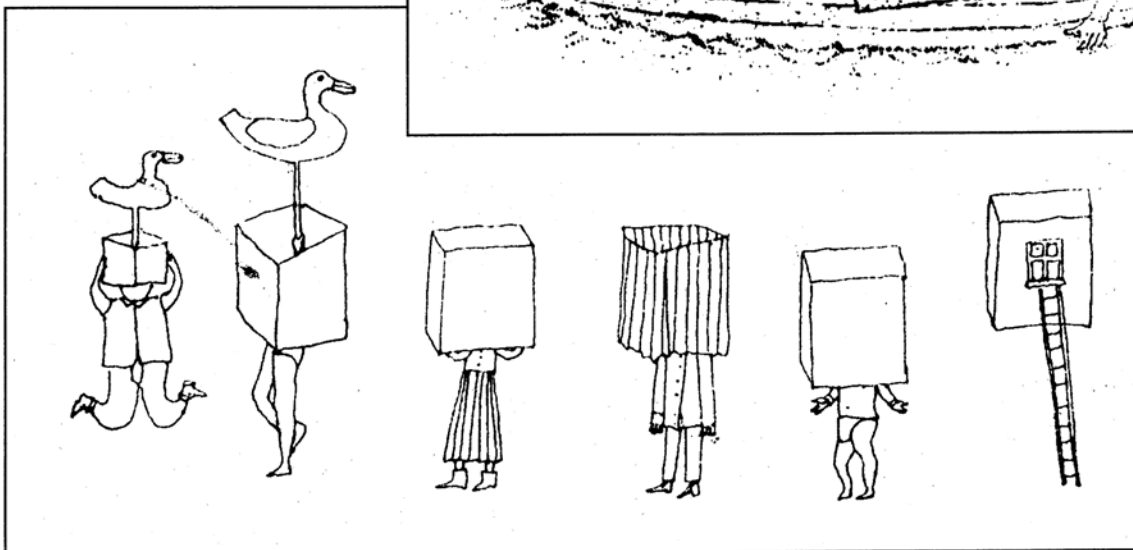
Ушел солдат. И пропал там на чужой Родине. Убили - в песок зарыли.

Послала Вика весточку - веточку свою на чужую Родину. Проросла веточка в пустыне. Почуял ее, зашевелился солдат. Из песка вылез, домой вернулся.

Правда, стали спать они ложиться, он свой череп отдельно на тумбочку кладет. Обвила Вика цветами - васильками голый череп. Плачет: "Ничего не жалко! Жалко голову - солону."

ХАМУР

Ехал стриженный затылок, Хмур - авторитет в "Мерсе-

десе, большие деньги получать или выбивать, не знаю. По дороге встретили его киллеры в "Москвиче". Посыпались, веером полопались стекла. На ходу расстреляли в упор. Вывалился Хмур из машины на шоссе. Подбежали, смотрят, какой же это Хмур? Лежит на асфальте мертвая Мурха.

Похоронили Мурху пышно, с уважением, все равно вместе с дубовым гробом и горою роз в печке сожгли, до тла.

Там в мире теней стал он античным богом. Хмур - бог секса. От бога любви Амура хамоватостью отличается, и затылок стриженный.

Только кажется мне, вижу я теперь этот затылок в кресле на ночных просмотрах и конкурсах красоты. Тоненькие девочки, однако грудки вперед и сисечки дрожат от нетерпения.

- Господин Хмур! Господин Рамух!

А он - античный бог головы не повернет.

- У тебя, милая, муха на ляжке. (апатично) Не подойдет.

СКРЫНДЯ И ХМАРЬЯ-ЗМЕЯ

Скребется кто-то у Скрыдни в животе. Муторно ему. Видно, когда спал в лопухах, рот открыл, кто-то и воспользовался - залез. А так Скрындя никого в себя не пускал. Не общежитие ведь, поселятся, шуметь будут, безобразия всяческие устраивать. Держал рот на замке обычно. А тут не доглядел.

- Выходи, - говорит Скрындя, - а то извергну.

Изнутри тонюсенький голосочек: - Ты потом непустишь.

- Погляжу на тебя, потом видно будет.

- Какой хитрый, я выйду, а ты - рот на замок.

- Все равно извергну, вылезай.

- Тут такие апартаменты, электричества жалко нет. Я с собой свечи захватила, всюду канделябры зажгла. Красиво.

- То-то в груди горячо. Туши свечи. Сейчас тебе свое животное электричество подключу.

- Ого! Как засверкало! Перламутром переливается!

- Вот и врешь, у меня души нет.

- Скрыта твоя душа в самом тайном уголке, в коробочке, ракушками украшенной.

- Не верю.

- Не веришь, Скрындя? Там еще ПРИВЕТ ИЗ КРЫМА на крышке.

Стал Скрындя думать-вспоминать.

- Привет, говоришь? Из Крыма? Это я в Крыму...

Это я прислал... Моя коробочка... Тайна моя...

Заллакал Скрындя.

- Вот видишь, значит, ты не такой уж плохой. Значит есть надежда.

- Есть надежда, говоришь?

- Буду я душу твою любить, буду изнутри по утрам протирать.

- Только не грязными пальцами.

- А у меня платочек с собой.

- Входи, Хмарья. Живи,

сколько хочешь.

И впустил.

ШМАРД

Намазался Шмард на кусок белого хлеба.

Размечтался: "Сейчас меня съест кто-нибудь!"

Чувствует,

схватила его чья-то

рука. Алчный рот,

сверкая двумя рядами

зубов, приближается.

Хотел откусить, тьфу!

Выплюнул: липкий, резиновый.

- Думал, это сало, а это Шмард!

Слез Шмард с белого хлеба, не берёт едой на работу.

Устроился Шмард

ночным сторожем на

продуктовый склад.

Пришел на смену, разлеся

Шмард на диванчике. И

снился ему праздничный

стол, где он в виде особенной

закуски присутствует.

Проснулся утром смену

сдавать, а склад обчищен,

все дочиста съели, лишь он

один целый остался. Правда,

надкус на нем есть, но, видимо,

в зубах навяз.

Снова уволен Шмард,

шлоняется бездомный,

шмердит от него. Погибает,

шморкается, шепчет: "Все

болезни ко мне липнут..."

Однажды сошлись на

площади голдные горластые

рты. Один рот так ругался,

брызгал слюной, что Шмард

подумал: "Авось проскочу!"

И бросился вперед в рычащую

пропасть. Рот испугался. Ско-

рее захлопнулся и замолчал.

Залепил его собой Шмард,

как замазка. С той поры у Шмарда

работа постоянная. Если

митинг или стачка, пока

полиция с толпой сражается,

Шмард главного крикуна берет,

опыт есть.